

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Олена ВОЙЦЕВА

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина
E-mail: vlen@meta.ua

Наталья ДЕМЬЯНЕНКО

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина
E-mail: demnata@bigmir.net

ANTHROPOCENTRIC CHARACTER OF PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS IN THE SLAVIC LANGUAGES

Olena VOYTSEVA

Odessa I. I. Mechnikov National University, Ukraine
E-mail: vlen@meta.ua

Natalia DEMIANENKO

Kyiv Taras Shevchenko National University, Ukraine
E-mail: demnata@bigmir.net

ABSTRACT: The article is devoted to the consideration of euphemistic phraseological units used to nominate topics significant for native speakers of Slavic languages such as birth and death, the human body, age, physiology, diseases, and human vices, as well as their dynamics, semantic and functional characteristics. The studied phraseological units related to non-linguistic phenomena are part of an anthropocentric paradigm and represent a public ban on pronouncing certain nominations in a particular language group. The object of this study are verbal and nominal phraseological units in the system of Slavic languages denoting concepts, phenomena and actions replacing words prohibited for extra-linguistic reasons and having a pronounced anthropocentric character. The purpose of the work is a comparative semantic-functional analysis of phraseological euphemisms in Slavic languages.

It is emphasized that phraseological euphemisms replace words denoting concepts, phenomena and actions that are considered taboo for the Slavs, whose history dates back to the distant past of the Slavic peoples. They were originally associated with religious faith, fear of the gods, supernatural beings, nature, magical thinking and the deep conviction about the interdependence between the thing and the name. Comparative semantic and functional analysis of euphemistic phraseological units reveals coincident nominations in different Slavic languages and differences in phraseological units containing standards that replace certain words and expressions denoting objects and phenomena that nowadays replace not taboo entities, but linguistic units perceived in the language collective as non-tactful, rude or vulgar.

KEYWORDS: anthropocentric paradigm, taboo, implicit semantics, euphemism, phraseological euphemisms, reclamation, Slavic languages

Актуальность исследования. После распада общеславянского языкового единства во фразеологическом фонде славянских языков произошло много изменений, которые трансформировали конкретный состав данного лексического пласта. Однако древний лексический слой как источник фразеологии сохранился в разных славянских языках¹.

---

¹ «Темы, находящиеся под запретом, затрагивают такие сферы деятельности, которые рассматривались как особенные, запретные, сакральные, тайные с древнейших времен. Следовательно, они требовали замены, и этой заменой стали эвфемизмы. ... Каждая тема под запретом становится таковой в разные исторические периоды, это обусловлено многими факторами – историческими, религиозными, социальными, этническими, политическими и др. ... Сокровенные слова, или табу, нельзя было упоминать, так как, назвав их, говорящий обрекал себя на муки и даже на смертную казнь. ... Так, используя слова-замены в речи, люди осознали свою способность создавать слова и употреблять их. Чем лучше это у людей получалось, тем больше они старались избегать прямых наименований, которые могли стать причиной опасности, страха или оскорбления» (Пастухова, 2017, с. 141–144).

При сравнительном анализе обнаруживаются четкие соответствия в лексических явлениях одного уровня, в частности, во фразеологизмах с эвфемистической функцией, которые образуют мало исследованную группу в славянских языках. Несмотря на достижения в области изучения эвфемизмов, табуированная лексика или языковое табу (понятие, возникшее на ранней стадии развития человеческого общества) как явление социального, психологического и лингвистического плана, остается недостаточно исследованным.

И хотя эвфемизация характерна для нашей эпохи, однако термин *эвфемизм* не имеет однозначной трактовки: в узком смысле слова так называют эмоционально нейтральное слово или выражение, заменяющее грубые, неприличные либо некультурные лексемы.

Необходимость в эвфемистической лексике связана с этическими, этикетными, политическими и социальными причинами: в первую очередь, с нежеланием говорящего называть что-либо неприятное, невежливое, а в ряде случаев – исказить или замаскировать подлинную сущность обозначаемого. Ученые выделили сферы эвфемизации, например, смерть и болезни, умственные и физические недостатки людей, преступления и их последствия, сверхъестественное, бедность и лишения, сексуальные отношения (Миронина, 2010, с. 88), однако при этом недостаточно изучены структурно-семантические и функциональные аспекты фразеологических эвфемизмов.

Антропоцентричность языка, проявляющаяся в познании мира путем осознания человеком себя и своей деятельности, воплощается в славянской фразеологии. Фразеологизмы-эвфемизмы, будучи устойчивыми единицами системы языка, отражают национальный характер, так как возникают для сознательной замены говорящим табуированного предмета сообщения.

«Фразеологизмы-эвфемизмы представляют собой особый пласт единиц, которые табуируют те или иные сферы и обладают мелиоративной функцией при обсуждении деликатных тем. В отличие от лексических эвфемизмов, фразеологизмы-эвфемизмы, особенно идиомы, в большей степени способствуют иносказательному описанию запретных тем: благодаря многокомпонентной структуре и метафорическому «устройству», фразеологизмы-эвфемизмы обеспечивают семантическую неопределённость, обобщённую референцию» (Орлова, 2020, с. 65).

Главная речевая стратегия эвфемии во фразеологии достигается путем применения тактики языкового воздействия на сознание реципиента путем вуалирования воспринимаемых отрицательно в данном обществе объектов. Фразеологические эвфемизмы служат для номинации наиболее важных областей в жизни человека (религиозные верования, рождение, возраст, внешний вид, физиологические акты, сексуальные отношения, болезни, финансовое положение, политическая деятельность, смерть и др.). Несмотря на это, до настоящего времени отсутствуют словари фразеологических эвфемизмов, почти во всех фразеологических словарях отсутствует помета *эвфемизм*, так как их авторы избегают маркировки данной лексики. Только в некоторых словарях и справочниках она присутствует (ср., например, АСРФ, 2015; Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998). Обычно фразеологические эвфемизмы сопровождается не помета *эвф.*, а *книжн.*, *устар.*, *перен.* В связи с вышеизложенным избранная в данной статье тема представляется актуальной для современной лингвистики².

Объектом настоящего исследования послужили глагольные и именные эвфемистические фразеологические единицы в современных славянских языках.

Целью работы является семантико-функциональный анализ фразеологизмов-эвфемизмов в русском, украинском, белорусском, польском языках; некоторые примеры приводились из других славянских языков (болгарского, словацкого, чешского, сербского).

Источником отбора эвфемизмов-фразеологизмов послужили следующие лексикографические издания: 1) словари эвфемизмов (Ставицька, 2008; Сеничкина, 2008; Dąbrowska, 2005); 2) толковые словари (Slovník súčasného slovenského jazyka (2006, Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. T. 1: A–G.); Slovník súčasného slovenského jazyka (2011, / Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. T. 2: H–L), 3) фразеологические и переводные словари (Словарь русской

² «Значительная часть возникших на почве табу эвфемизмов на темы рождения и смерти представляют собой не отдельные слова, а сверхсловные наименования, от словосочетаний до цельнопредикативных выражений. Многословные эвфемизмы благодаря своей многокомпонентной структуре, идиоматичности и устойчивости обнаруживают сходство с фразеологизмами» (Ковшова, 2019, с. 40).

фразеологии. Историко-этимологический справочник (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998), Wielki frazeologiczny polsko-rosyjski a rosyjsko-polski / Red. J. Luksin, 1998; Українсько-болгарський фразеологічний словник / Укладач К. Потапенко-Калоянова, 2011).

1. Теоретические проблемы категориального статуса фразеологических эвфемизмов

Язык, как культурная составляющая любого общества, отражает темп его жизни и современные социокультурные тенденции. В лингвистике существует целый ряд работ, посвященных изучению эвфемистической лексики. Так, эвфемизмы находились в центре внимания таких ученых, как А. Домбровска (1992, 2005) Видлак (1963), А. М. Кацев (1988), М. Китанова (2019), М. Л. Ковшова (2019), А. Кравчик-Тырпа (2001), Л. П. Крысин (1994), Б. А. Ларин (1961), З. Лещинский (1988), В. П. Москвин (2001), Б. Попов (2001), Е. П. Сеничкина (2008; 2012), М. Шимчак-Розлах (2014) и др.

В украинском языкознании эвфемизм рассматривают как стилистическую структуру, которая преднамеренно употребляется для замены определенного понятия другой лексемой или описательным наименованием с целью устранения нежелательных, слишком резких, недостаточно вежливых слов. По мнению Ф. С. Бацевича, эвфемизмы – это эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимических им слов или выражений, которые кажутся говорящему непристойными, грубыми или бестактными (Бацевич, 2004). Мы считаем, что это определение следует расширить, включая в эвфемизмы слова и словосочетания со стилистической пометой *шутливое, ироническое*, например, фразеологизм *дать дуба прост., сниж.*, говорится с неодобрением, иносказательно заменяет табуированное понятие смерти.

Болгарский исследователь Б. Попов различает собственно табу, табуистические названия и эвфемизмы, а также вводит термины «этнокультурный факт» и «этнокультурный объект». Под *этнокультурным фактом* автор понимает причину, по которой возникает имя-заместитель, а под *этнокультурным объектом* – сущность, имя которой запрещалось называть в народной речевой практике (Попов, 2001, с. 8).

Особого внимания заслуживает работа А. Домбровской «Eufemizmy w mowie potocznej» (Dąbrowska, 1992), в которой исследовательница анализирует 1152 эвфемизма, среди которых 538, т.е. половина, состоят из двух и более слов.

Как известно, фразеологизм – представляет собой семантически несвободное сочетание слов, это наиболее архаичная форма национального языка, отражающая древнейшие представления, принадлежащие какому-либо народу, ярко передающая лингвокультурную специфику. По нашему мнению, эвфемизмы-фразеологизмы – это более оригинальные репрезентанты, заменяющие реалии определенной культуры, в которых отражены культурные традиции того или иного народа.

Еще в древнеславянской культуре существовал запрет на произнесение табуированных слов вследствие веры в их магическую силу. Так, имена демонов (например, в польском языке: *A to panie – Chryste Panie przest.; aniołek z różkami, duch nieczysty, księża ciemności – diabeł* (Dąbrowska, 2005, с. 233–235), животных (например, в болгарском фольклоре медведь – *баба Меца*, волк – *кум господин*, а в фольклоре – *Кумчо Вълчо*) (Китанова, 2019, с. 162, 163), названия болезней (пол. *brzydka choroba – kiła, choroba sekretna przest. – choroba weneryczna, czarna pani – czarna osra* (Dąbrowska, 2005, с. 129, 130) и прямое название смерти (рус. *отдавать Богу душу*; укр. *пішов на той світ, покинув цей світ, попрощався з цим світом, перейшов до світа мертвих*) запрещалось произносить вслух.

Фразеологические эвфемизмы обладают определенными свойствами как фразеологических, так и эвфемистических единиц лексического уровня. Эвфемизмы-фразеологизмы относятся к устойчивым оборотам речи и характеризуются воспроизводимостью, переосмысленностью значения, идиоматичностью, структурно-семантической устойчивостью и целостностью, а также раздельнооформленностью. Они представляют собой сложные языковые единицы, отличающиеся от лексем большей информативностью, яркой стилистической окраской, уникальной способностью выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего к предмету речи и / или собеседнику (Баранов, Добровольский, 2008). Фразеологическая номинация обладает тонкой, скрытой семантикой и яркой образностью, а фразеологизмы могут содержать положительный или отрицательный

компонент в значении, «благодаря чему в речевой ситуации могут формировать и регулировать восприятие сообщаемой информации» (Сычева, 2013, с. 273–274). В отличие от эвфемистических лексических единиц, фразеологические эвфемизмы более выразительно переименовывают предмет речи.

2. Функционально-тематическая классификация фразеологизмов, обозначающих эвфемистические номинации

Фразеологическая эвфемизация как когнитивный процесс концептуализации табуированной действительности, позволяет говорящему заменить запрещенное понятие, а также отобразить особенности национального менталитета, традиции, обычаи славян, выявить различия между запрещенными сущностями и денотатами, характерные для славянской культуры.

На основе собранного материала, мы выделили 7 тематических групп фразеологизмов-эвфемизмов, отображающих человека и его жизнь: 1) рождение; 2) внешний вид; 3) возраст; 4) болезни; 5) физиологические проявления; 6) пороки (взятничество, алкоголизм, наркомания, проституция); 7) смерть. По нашему мнению, именно данные сферы чаще всего используются для табуирования.

Еще с древности у славян почиталась тайна зарождения новой жизни. В то же время беременность, роды вызывали определенный страх, поэтому на данную лексику было наложено табу. Понятие зачатия в славянской народной традиции оценивается двойственно: с одной стороны, – это сакральный акт, время, место и обстоятельства которого определяли судьбу будущего ребенка, а с другой стороны – греховное действие. Как отмечено в Этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Толстая, 1995, с. 160–161), главной целью брака были беременность и продолжение рода, но в то же время состояние беременности считалось опасным, иногда даже нечистым, как для самой беременной женщины, так и для окружающих, поскольку в ней присутствовали две души, что ставило ее на грани жизни и смерти. Кроме того, беременная женщина была беззащитна перед нечистой силой, в связи с чем она должна была подчиняться определенным правилам и запретам.

Во фразеологии славянских языков отмечаем следующие единицы, обозначающие беременную женщину: рус. *поймать воробышка, быть в увлекательном (в счастливом) положении, в интересном положении, кто-то ждёт ребёнка, готовится стать матерью, ожидает прибавления в семействе, в тяготе (тягостях / тягости) быть*; укр. *журавлика вловила (піймала), примітити лелеку, на днях ходити, бути при надії, у поважному стані, зайти в тягіннейку, у тяжі, у тяжю ходити, зайти в тяж, ходити з животом, глобус носити (з'їсти, ковтнути, проковтнути)*; бел. *дзіцем хадзіць, з'есці павука, на маладое (каму), у цікавым становішчы*; пол. *być za radošnikiem, chodzić pod paradą, chodzić w nadziei, chodzić w niedzielach, być w błogosławionym stanie, chodzić inaksza, nosić w sobie (w łonie, pod sercem, być przy nadziei, być / zostać (wkrótce) matką, poczuć się matką, spodziewać się dziecka, ukrywać pokaźny brzuszek*; слов. *čakať dieťa, chodiť s bruškom, byť v očakávaní, v nádeji, v úfnosti, v druhom stave, dostala sa do postielky, dostala sa za plachtu, dostala sa do pôlohu, dostala sa do posteľe*.

Большинство фразеологических единиц имеют в своем составе лексему *надежда (nadzieja, nádeja)* (фразеологизмы такого типа можем встретить практически во всех славянских языках), много фразеологизмов связано с употреблением в пищу чего-нибудь, чаще всего круглого предмета: укр. *гарбуза проковтнути (з'їсти), шар ковтнути, кавуна з'їсти*; рус. *арбуз проглотить, шар проглотить, гороху объелась*. В большинстве своем это универсальные фразеологические эвфемизмы, обозначающие беременную женщину в славянских языках, тем не менее, можем встретить национально маркированные фразеологические обороты, с компонентами, которых нет в других славянских языках, например: укр. *журавлика вловила (піймала), примітити лелеку, зайти в тягіннейку*; рус. *поймать воробышка*; бел. *з'есці павука*, пол. *podniesiona do drugiej potęgi*. В русскоязычной культуре о забеременевшей незамужней женщине в простонародье шуливо говорят: *горохом объелась*. По мнению А. А. Плотниковой, «отмечается символическая связь гороха с деторождением, в данном случае получающем коннотации насмешки, что обнаруживает фразеология, связанная с лексемой *горох*, пол. *grochu się objadła* 'забеременела вне брака', а также кашубское выражение «она горохом объелась», «горох ее раздувает» в том же значении 'забеременеть вне брака' и «влезть в гороховую солому» — 'забеременеть'» (Плотникова 2003, с. 294). В польском языке можем отметить также

фразеологические единицы, называющие беременную женщину, в составе которых присутствуют названия музыкальных инструментов: *chodźić z basem*, *chodźić z bębnem*, *chodźić zymbalem*.

Семантически оппозиционной к рассмотренной выше выступает тематическая группа смерть и связанные с ней процессы – прекращение жизни, гибель, распад организма. Особое внимание заслуживают фразеологические единицы, которые встречаются только в одном из славянских языков, например, в русском (*дышать на ладан*, *воспарить в горниа*), украинском (*кирпата сваика*, *дугеля з'їсти*), польском и словацком (пол. *przenieść się na łono Abrahama*, слов. *odisť k Abrahámovi*, *dostat' sa do lona Abrahámovho*), отражающие своеобразие исторического и культурного развития фразеологических систем в славянских языках под влиянием внутренних и внешних факторов.

Фразеологизмы-эвфемизмы употребляются в тех случаях, когда хотят скрыть возраст, когда внешность человека не соответствует определенным стереотипам, сложившимся в обществе: излишняя полнота или наоборот, худоба, непривлекательные части тела. Отметим, что гораздо больше эвфемистических фразеологизмов, которые иронично или саркастично характеризуют человека с избыточным весом. Например: укр. *бути в тілі*, *пишне тіло*, *вбиватися (вбитися) в тіло*; рус. *пышное тело*, *быть в теле*; пол. *jest przy kości*, *bogaty w ciało*, *człowiek słusznej budowy*, *apetyczna kobieta*, *ładu «plus size»*, *«apetycznie krągła kobieta (dziewczyna)»*, *barokowa*, *rubensowska kobieta (dziewczyna)*; слов. *pribrat' na seba*, *priberá aj z vody*.

К разряду универсальных понятий человеческого бытия относятся болезни. Вера в магию слов, в их способность воздействовать на человека и окружающий мир, мотивировали носителей языка избегать названий, которые способны навлечь неприятности. «Психологическая основа словесных запретов на названия болезней заключается в боязни «накликать», призвать к себе злого духа» (Никитина, 2009, с. 77). Возник целый ряд болезней, о которых не принято говорить вслух, например, о раке не говорят из-за страха перед смертью, о венерических болезнях – из-за чувства стыда, о бесплодии – из-за чувства такта, чтобы не обидеть. В некоторых славянских культурах считается, что упоминание болезни может спровоцировать ее появление. Для наименования инфекционной венерической болезни (сифилиса) используется универсальный фразеологизм: рус. *французская болезнь*, укр. *французька хвороба*, пол. *choroba francuska*, бол. *френска болест*, чеш. *francouzská nemoc*, серб. *француска болест*. Следует отметить тот факт, что в словаре польского языка данное словосочетание имеет помету *przestarz. euf.* Это один из немногих случаев, когда во всех славянских языках есть аналогичный фразеологический эвфемизм.

Для обозначения онкологического заболевания употребляются следующие общие устойчивые сочетания: в украинском языке – *тяжка хвороба*, в русском – *тяжелая болезнь*, в сербском – *озбиљна болест*, в чешском – *vážná nemoc*, в словацком – *ťažká choroba*, в польском – *poważna choroba*.

Названия физических недостатков и отклонений, связанных с болезнями, например с инвалидностью, можно смягчить, заменить на фразеологизмы-эвфемизмы. Так, слабоумие, глупость, умственные отклонения человека обозначаются следующими фразеологическими оборотами: укр. *без третьої (сьомої) клепки в голові (у тім'ї)*, *без сьомої (десятої, дванадцятої) клепки*, *тринадцята клепка вискочила у кого*, *пороху не вигадає / не видумає / не винайде*; пол. *brakuje piątej klepki*, *nie mieć wszystkich klepek*, *dziecko wojny genetycznej*, *mieć ciasne horyzonty*, *mieć kielbise we łbie*, *odporny na wiedzę*, *pustynia intelektualna*.

Несмотря на демократизацию культуры современного общества, названия, связанные с физиологией человека, являются по-прежнему табуированными. Мы не можем прямо говорить о тех или иных физиологических функциях, которые неуместно и неприятно называть. Поэтому темы, связанные с пусканием газов, испражнениями, дефекацией или рвотой, зашифровываются. Среди фразеологических эвфемизмов небольшая группа в славянских языках обозначает явление пускания газов, например, в украинском и русском языках с пометой *жарг.*, *разг.* (укр. *розм.*): укр. *пустити шептуна*, рус. *пустить шептуна / шептунчика*. Для обозначения диареи, расстройства желудка в русском языке употребляется фразеологизм *медвежья болезнь*, в болгарском – *мечка болест*, в украинском – *швидка Настя*. В польском языке данный процесс обозначается с помощью фразеологических единиц с пометой *жарг.* и *сленг.*, которые зафиксированы в словаре польского сленга: *puścić burmistrza*, *puścić Bona*, *puścić*

Bengala. Отметим также, что в словацком языке эвфемистический фразеологизм *neustále problému tam dole* имеет двоякую семантическую коннотацию: первая связана с неприятным запахом, возникающим в результате подобной деятельности, а вторая может указывать на интимные заболевания.

К физиологическим функциям относится явление рвоты. В русском языке оно представлено следующими фразеологическими эвфемизмами: *поехать в Ригу, исполнить арию Риголетто, с кем-то случился Фридрих-хераус, пугать Ихтиандра, дразнить баранов, вызывать Ватсона, удобрять почву, пугать снегурочку*; ср.: укр. *викладати мозаїку*; пол. *jechać do rygi (Rygi), puszczać pawia*. Отметим, что в славянских языках во фразеологических эвфемизмах присутствует компонент *Ruga (ryga / Ryga)*, а в русском языке отмечаем нехарактерные для других славянских языков компоненты: *бараны, Ватсон, Ихтиандр, почва, снегурочка*.

Еще одна группа фразеологических эвфемизмов обозначает человеческие пороки, вызывающие негативную реакцию со стороны окружающих. Значения фразеологизмов, входящих в данную семантическую группу, отражают состояния, порождающие конфликтные ситуации, неблагоприятные поступки, неблагоприятное положение человека.

Рассмотрим фразеосемантические микрополя данного структурного комплекса, в которые входят фразеологические эвфемизмы, употребляющиеся вместо слов «взяточничество» «пьянство», «проституция», «наркомания». Показательными примерами эвфемизации факта взятки в русском языке являются фразеологизмы *подмазывать (смазать) колеса, позолотить ручку, совать (сунуть) в руку*. На культурно-историческом опыте русского народа основаны фразеологические обороты, называющие взятку – *добровольные подношения и безгрешные доходы, давать барашка в бумажке*, имеющий помету *устар. соц. эвф.* В украинской лингвокультурной традиции функционируют следующие фразеологические единицы: *давати, дати базаринку кому; підмазувати, підмазати кого; підплачувати, підплатити кого; всунути в руку кому; дати куку в руку кому; тикати, ткнути в лапу кому*; в польском языке: *dać kotuś w łapę, (smarować) łapę*. Как видим, компоненты, называющие реалии, отличаются в славянских языках, общими являются глаголы: *давать, дать, подмазывать, сунуть* и т.п.

Вместо наименования пьянства как социального порока в славянских языках употребляются фразеологизмы-эвфемизмы: рус. *закладывать (заливать) за галстук, выделять антраша, принести жертву Вакху, принимать на грудь*; укр. *заливати за комір, прийняти на груди, прийняти за комір*; слов. *buť pod parou, mať pod čaricou, čercom, už má pod čiapkou, pod klobúkom, pod širákom, očká sa tu ligocú, má ligotavé oči, je trochu strihnutý*; пол. *chodzić na uszach, dać w gardło, dać w kręgi, dać w szyję, przepłukać gardziolko / nerezki, sprawdzić wątrobę*; чеш. *mít nablíkané v očích, nalévat si pupen*. Значительное количество из них возникло вследствие внелингвистических причин (отрицательное отношение в социуме к употреблению спиртных напитков в большом количестве).

Следует отметить, что потребление алкоголя является неотъемлемой частью культур всех славянских народов, а наименования спиртных напитков часто выступают в качестве ассоциативно-стереотипных национальных символов. Так, например, слово *водка* вызывает ассоциации с русским культурным пространством, с польским связана лексема *зубровка* – крепкий напиток, настоянный на травах; это также один из главных национальных напитков белорусов, что и объединяет их с поляками; у южных славян – *ракия* (крепкий алкогольный напиток из фруктов); у чехов – *бехервка* (традиционный национальный крепкий напиток из трав), у словаков – *сливовица* и *боровичка* (крепкие алкогольные напитки, настоянные на сливах и ягодах можжевельника); с культурным пространством украинцев неразрывно связана лексема *горилка (горілка)*. В украинском языке существует фразеологизм-эвфемизм *гришна вода*, семантика которого указывает на один из человеческих пороков.

По сравнению с другими, традиционно табуируемыми сферами негативных социальных проявлений, фразеосемантическое микрополе «наркомания» представлено меньшим, чем остальные микрополя, количеством фразеологических эвфемизмов. Это указывает на более низкую частотность эвфемизации сферы «наркомания». Зафиксированы следующие польские фразеологизмы со значением «быть в состоянии наркотического опьянения»: пол. *buć w euforii, buć na na haju, palić skręta, sztuczny raj, osoba uzależniona, zaciągać się trawką*. В русском и

украинском языках функционируют похожие фразеологизмы, имеющие помету *соц., разг.*: рус. *находиться под кайфом*, укр. *бути під кайфом*.

Говоря о человеческих пороках, нельзя не вспомнить эвфемистические названия мест заключения преступников, например, в русском языке: *места не столь отдалённые, места лишения свободы, казенная квартира, казенные хлеба, небо в клетку*; укр. *небо в клітинку*, в польском – *rójśc, trafić za kratki* с пометой *разг., жарг.*

Фразеологические эвфемизмы являются особым пластом языковых единиц, табуирующих определенные сферы жизни человека. Как справедливо отмечает С. Видлак, «скромность и стыдливость не позволяют нам называть вещи своими именами и, если идет речь о вещах «грязных», то они заставляют нас искать новые слова, прибегать к иным языковым средствам для вуалирования того, о чем идет речь» (Widłak, 1963, s. 96). В ситуациях такого типа и происходит иносказательное описание запретных тем.

2. Признаки эвфемизации фразеологизмов

В речевом высказывании замена, на которую наложено табу в силу экстралингвистических причин, используется в связи с сохранением у носителей славянских языков магического мышления, а также для того, чтобы избежать коммуникативных конфликтов и дискомфорта (по причине стыда, скромности, хорошего воспитания, правил культурного поведения)³.

С точки зрения функционально-стилистической отнесенности фразеологизмы-эвфемизмы представляют следующие стилевые регистры: нейтральный (нейтральные или межстилевые фразеологические единицы: рус. *получить заслуженный отдых* вместо «выйти на пенсию» (Сеничкина, 2008, с. 334), высокий (книжные фразеологические единицы: рус. *на склоне жизни (дней, лет). Книжн.* В старости. Калька с фр. *sur le declin de la vie*. Склон – в значении «закат»; от уподобления человеческой жизни ходу солнца по небу (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 527), сниженный (представленный разговорными, просторечными фразеологическими единицами: рус. *хорошего человека должно быть много* вместо «толстый человек – это не стыдно». *Разг. перен. ирон.*, фикс. как эвф. с посл. четв. XX в. (Сеничкина, 2008, с. 443).

Главным признаком эвфемистических фразеологизмов является обозначение денотата, соотносящегося с запрещенным предметом или явлением, либо с таким, которому в языковом обществе приписывается негативная оценка.

В коммуникативных актах с помощью эвфемизмов-фразеологизмов номинируются не только разные темы, но и разнородные аспекты – социальный, психологический, лингвистический (Кацев, 2005, с. 25; Сеничкина, 2012, с. 40–41).

В частности, социальный аспект обусловлен моральными нормами, например, у славян осуждается систематическое чрезмерное употребление алкоголя: рус. *муху убить (зашибить, задавить, раздавить). Прост.* Выпить вина (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 391); *запить горькую (мертвую)* (Сеничкина, 2008, с. 133), *пить (запить) горькую. Неодобр.* Много и систематически, запойно пьянствовать (обычно – пытаюсь заглушить горе, тоску, уныние, вызванные крайней нуждой) (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 132)⁴. Ср. в других славянских языках: укр. *під градусом (градусами), під чаркою, джмелі гудуть у голові, за чаркою, з п'яних очей, лизнути скляного бога, заглядати (зазирати) в пляшку (чарку)*; бел. *у бутэльку зірнуў, чарку ўзяць (кульнуць), з шкляным богам пабачыцца (убачыцца, сустрэцца),*

³ «Кажется, что эвфемизмы выступают во всех языках, потому что действительно трудно найти язык, в котором их не было бы. Основной причиной замещающих номинаций является магическое мышление, то есть убеждения в связи названия и вещи, вера в то, что названия является интегральной частью, а поэтому произнесение слова равносильно приглашению этого явления» (Dąbrowska, 2005, s. 11–12).

⁴ Первичным членом этого фразеологического ряда следует признать выражение *убить муху*, которое восходит к карточному жаргону. Глагол *убить* означает «покрыть карту высшей картой или козырем». «Муха», «мушка» – это модная карточная игра в начале XIX в., особенно распространенная в среде военных. После такой игры нередко возвращались с мухой в голове «слегка выпивши». Выражение *с мухой* значило «с победой», «с овладением мухой» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 391–392); оборот *запить горькую* образован сокращением более раннего *пить горькую чашу*. Возможно, имеет какое-то отношение к евангельскому выражению *выпить (испить) чашу до дна* (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 132).

шклянному богу накланіцца, шкло ўбачыць (пабачыць), у бутэльку (у пляшку) зірнуць; болг. обичам чаашата, обръщам чаашата, виря бъклица (чаашката); пол. *bawić się z kielichem, bąbnąc (chlapnąć / chluśnąć / gołnąć / kropnąć) sobie, lampy wypróżnić, maczać języki w czarkach, nie stronić się od kieliszka, nie unikać kieliszka, popieścić się z kielichem, suszyć dzbanek, zaglądać do flaszeczki, zalewać robaka* и др.

Психологический аспект детерминирован эмоциями скромности, сочувствия, хорошего воспитания, стыда⁵, которые заставляют человека скрывать что-либо, например: рус. *дары природы* вместо «половые органы, запретные к произнесению части тела» (Сеничкина, 2008, с. 104); *делать под себя* вместо прямого обозначения «мочиться (помочиться), испражняться (испражниться) в кровать» О маленьких детях или тяжело больных. *Простор*. (Сеничкина, 2008, с. 107); укр. *поміняти воду в акваріумі жарг., ирон.* вместо «сходить в туалет; справлять малую нужду» (Ставицька, 2008, с. 89); *чоловіча гідність (гордість) разг., шутл.; журавель в коноплях фольк.* вместо «мужской половой орган» (Ставицька, 2008, с. 89; 174); пол. *atrybuty obojga płci, miejsca wstydlive, co zazwyczaj bywa chowane* вместо «половые органы» (Dąbrowska, 2005, s. 46–47); *iść wmyć (umyć) ręce, mała potrzeba* вместо «помочиться» (Dąbrowska, 2005, s. 66–67); рус. *древнейшая профессия* вместо «проституция». Фиксируется как эвфемизм в XX–XXI вв. (Сеничкина, 2008, с. 117); пол. *najstarsza profesja świata, najstarsze rzemiosło, najstarszy proceder świata, najstarszy zawód świata* (Dąbrowska, 2005, s. 114). См. это же явление в украинском языке: *кукурудзи проломити, бобичок посяти, жито розсипати, молотити жито, петлювати пшениченку, черешеньки рвати, яблучка рвати; тютюнець носити, олій бити, різати січку, крупи дерти, стручок замочити, загнати бичка, бика здоїти, застрілити сороку, їсти пирога, дати риби* (Лесюк, 2010, с. 81–90); в белорусском: *збіраць грыбы, схваціць грыба, грыба знайсці, на грыбы хадзіць, чыніць каўбасу, даваць пірог* «находиться в интимных отношениях» (Коваль, 2003, с. 109–111).

Лингвистический аспект проявляется в том, что фразеология славянских языков пополняется новыми идиомами с нейтральным или мелиоративным значением, которые редуцируют, минимализируют и сокращают дифференциальные признаки замещаемого референта⁶. Фразеологизм-эвфемизм *bezpłatny pensjonat* «бесплатный пансионат» в польском языке соотносится с понятием, вызывающем негативную коннотацию («тюрьма»), однако вследствие замены названия места, где люди находятся в заключении, на слово *пансионат*, где люди отдыхают, находясь на полном обеспечении, денотат формально улучшается, хотя его суть от этого не меняется. Ср. другие примеры: пол. *pozostawać pod dobrą opieką* вместо «быть арестованным», *przyjazna rozmówka (rozmowa), przyjacielska pogawędka* вместо «допрос» (Dąbrowska, 2005, s. 210–211).

Понятия, вызванные запретом на их употребление, либо реалии, создающие негативные эмоции в языковом коллективе, замещаются реже универсальными, чаще – национально-специфическими фразеологизмами-эвфемизмами.

3. Семантические особенности фразеологизмов-эвфемизмов

Антропоцентрическая парадигма поставила в центре человека, важнейшим условием существования которого является язык. «Наиболее глобальными вопросами, которые решал «homo mythologicus», были вопросы о происхождении Вселенной, Земли и человека, о его жизни и смерти, о причинах возникновения природных явлений и т. п.» (Коваль, 2016, с. 11).

Фразеологизмы-эвфемизмы снижают коммуникативную напряженность в речевом акте. Большая значимость коннотативного компонента в семантике фразеологизмов, относящихся к нейтральному, высокому и сниженному стилистическому регистру, связана с двуплановостью их семантической структуры. Например, фразеологические эвфемизмы, обозначающие старость,

⁵ «Новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» (Кацев, 1988, с. 5); новая форма денотата эвфемизма «подбирается» с целью облагораживания значения (Саммани, 2014, с. 648).

⁶ Е. П. Сеничкина предлагает назвать данное явление семантической редукцией, которая представляет собой «сокращение доли информации в языковой единице, сокращение ее дифференциальных признаков по сравнению с единицей, которая подвергается ситуативной замене» (Сеничкина, 2012, с. 40–41). В связи с семантической редукцией можно сказать, что семантика эвфемизмов построена на «имплицитных смыслах» (Саммани, 2014, с. 645).

относятся к книжной или устаревшей лексике: рус. *жить / прожить Мафусаилов век* (возраст). *Устар. книжн.* О чьем-л. исключительном долголетии (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 70); *жить (прожить) Аредовы веки.* *Устар. книжн.* О чьем-л. исключительном долголетии. Выражение собственно русское (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 72)⁷; *на склоне жизни (дней, лет).* *Книжн.* В старости. Калька с фр. *sur le declin de la vie* (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 527)⁸; *дожить до клюки простор. перен. устар. яз. эвф.* (Сеничкина, 2008, с. 114); *быть в годах, возраст осени, золотая осень, золотой возраст, лета (годы) не маленькие, с ярмарки едет, уж не семнадцать;* укр. *униз віз котиться; не на ярмарок, а з ярмарку їхати; не до Петра, а до Різдва, не сімнадцять літ (кому);* бел. *на схіле веку (жыцця);* болг. *прецѣфтял е;* пол. *тосно starszy, тосно średni wiek, pewien piękny podeszły wiek, jak świat, średni wiek, ten wiek, trzeci (złoty) wiek,* словен. *kot zemlja;* слов. *jako Biblia;* чеш. *jako Abrahám.*

Фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие людей в возрасте, а также снисходительное отношение к алкоголю, окрашены шутовой или иронической коннотацией (вследствие реакции людей на неприятные явления): рус. *не первой молодости* вместо «старейший». *Разг. перен. ирон. яз. эвф.* (Сеничкина, 2008, с. 218–219), укр. *не першої молодості,* болг. *не в първа младост,* пол. *nie pierwszej młodości; национальный спорт* вместо «пьянство, употребление спиртного». *Перен. ирон., фикс. как эвф. публ. речи с конца XX в.* (Сеничкина, 2008, с. 211).

Смягчающая косвенная номинация иносказательно обозначает внеязыковые денотаты. Так, в народной культуре славян, как подчеркивают Т. А. Агапкина, В. В. Усачева, болезнь – это «результат действия демонов болезней, нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом, порчи и т. п. Для избавления от болезни использовались средства словесной магии (заговоры), содержащие мотивы отгона болезни, ее задабривания, оскорбления (брань, проклятия, угрозы). Реже практиковались способы лечения, связанные с символической заменой больного человека на здорового («вторичное рождение», переименование, «продажа» и т. п.) (Библиотекарь. Ру. Славянская мифология. Болезнь, заговоры от болезней), ср.: рус. *не все дома у кого-либо.* *Шутл. или пренебр.* О человеке со странностями, глуповатом, придурковатом (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 164)⁹; укр. *не має усіх удома;* рус. *не в своем уме разг., мин. ст. эвф., не в себе, не вполне нормальный, не в своем разуме, расстроен душой* вместо «с психическими отклонениями, сумасшедший» (Сеничкина, 2008, с. 214); слов. *chudobný duchom, duševne obmedzený;* чеш. *ztrácet (ztratit) rozum, pomínout se smysly; nemá špetku rozumu, pomást se na rozumu;* рус. *живой труп* «о человеке, находящемся между жизнью и смертью; больном, изможденном», восходит к фр. *un mort vivant* (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 575); пол. *ten, co do tyłu chodzi* вместо «рак, онкологическое заболевание» (Dąbrowska, 2005, s. 132).

Одними из наиболее важных причин появления в языке эвфемизмов, заменяющих слово *смерть*, являются чувства сожаления, сочувствия, такта. В основе фразеологической эвфемистической номинации, которая обозначает понятие смерти, центрального в мифологической картине мира у славян, – семантика, связанная с переходом человека из «этого» мира на «тот свет», в потусторонний мир, граница между ними и одновременно характеристика «того света». «Смерть неизбежна, предопределена судьбой, но время и обстоятельства своей смерти человеку знать не дано. Кончина, момент «расставания души с телом» требует, по народным представлениям, специального обрядового оформления, без которого переход души в иной мир затруднен или невозможен, и она обрекается на вечное скитание. К обязательным

⁷ Выражение связывают с библейским источником (Бытие, 5, 21). Мафусаил – один из патриархов, проживший 969 лет. Существуют разные предположения относительно этой цифры. Высказывалось мнение, что древние евреи годом называли лунный месяц и что цифру эту можно тем самым уменьшить в двенадцать раз (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 70–71); Восходит к библейскому рассказу о патриархе Иареде (Ареде), прожившем 962 года (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 72).

⁸ Склон – в значении «закат»; от уподобления человеческой жизни ходу солнца по небу (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 527).

⁹ Фразеологизм восточнославянский, образован в результате «сгущения» более пространной поговорки. Сокращение оборота произошло, видимо, несколько столетий назад, ибо ни в русских, ни в белорусских дореволюционных паремнологических сборниках не фиксируется давно забытая первоначальная форма этого оборота. Однако она (или ее возможные разновидности) сохранилась в украинском языке: *не всі дома – половина поїхали; у нього не всі дома – поїхали по курай* (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 164–165).

элементам обряда при кончине относятся: прощание умирающего с близкими, исповедь, зажжение свечи, «карауление» души. Строго соблюдается тишина, запрещается плакать и причитать, чтобы не спугнуть, не сбить с пути душу. Персонифицированная Смерть в виде костлявой и безобразной старухи с косой является героем многих народных рассказов, быличек и сказок (Ляцкий, 1892).

Славянские фразеологические единицы, связанные с уходом в лучший мир, символизируют что-либо легкое и безболезненное для человеческого восприятия (свет, путешествие, сон), поэтому мысль о смерти представляется не такой устрашающей. Во фразеологизмах-эвфемизмах, обозначающих прекращение жизни, фиксируется:

1) семантика единения с Богом: рус. *отдавать Богу душу, уходить к Богу, Бог прибрал*; укр. *стояти на божій дорозі*; болг. *предам (предавам) Богу дух* (Українсько-болгарський фразеологічний словник, 2011, с. 64); пол. *odejść (zasnąć) w Pani, usnąć w Bogu, być z Bogiem, stanąć przed Bogiem, Bóg ma aniołkiem w głowie, Bóg kogoś wezwał do siebie, Bóg (pan Jezus) kogoś utulił, zabrał do ziemi, w daleką krainę, w swoje progi, srogi wyrok Boga, zabrać kogoś przed tron Boży*;

2) уход в иной (лучший) мир: рус. *отойти в мир иной, уходить (уйти) в мир иной (лучший) погрузиться в вечный сон, воспарить в горния, отправиться на тот свет*; укр. *відправитися на той світ, піти зі світу, покинути білий світ*; болг. *отида на онзи (оня) свят* (Українсько-болгарський фразеологічний словник, 2011, с. 68); пол. *dawać drapaka w sfery lepsze, iść do krainy wiecznej szczęśliwości, wyprowadzić na tamten świat*;

3) единение с большинством человечества и встреча с предками в загробном мире: рус. *отправиться к праотцам*, Умереть. Калька с лат. *ad patres*; пол. *połączyć się z przodkami*; укр. *пішов до праотців (до батька, матері – залежно від того, хто вже помер у родині)*;

4) прекращение контактов с этим миром: рус. *отойти от мира сего*; укр. *відійти (відходити) у вічність (у довічний сон); немає серед нас когось, відійшов за вічну межу*; болг. *отмигна (отминавам) (отида / отивам, преселя се / преселвам се) във вечността* (Українсько-болгарський фразеологічний словник, 2011, с. 65); пол. *przenieść się na tamten świat*; слов. *pánbožkovi morky (husky) pást*;

5) явление смерти: рус. *старуха с косой последний миг, вечный покой*; укр. *кирпата свашка*; слов. *kostra s kosou, zubatá (zubaňa) smrti, smrtka – Len nech pride tá zubaňa s kosou, kmotra, kmotrička*.

Одним из важных компонентов фразеологических эвфемизмов, связанных с темой смерти, является «душа». «Душа – двойник человека при его жизни, имеющий черты мифологического персонажа. После разделения с плотью человека (в случае его смерти или во время сна) душа покидает тело, принимая облик ветерка, пара, дыма или бабочки, мухи, птицы ... После смерти человека душа покидает тело с последним выдохом умирающего, оставаясь некоторое время поблизости от тела. Чтобы помочь душе покинуть помещение, нередко открывают двери, форточки, заслонки в печи; из окна вывешивают полотенце, по которому она спускается, а затем при желании возвращается обратно. Считается также, что душа утирает этим полотенцем свои слезы, отдыхает на нем. Белорусы во время одевания покойного ставят на окне стакан с чистой водой и вешают полотенце, чтобы душа умершего могла вымыться, обсушиться и чистой явиться на «тот свет». Украинцы полагают, что душа сопровождает тело до кладбища, плача и вопрошая: «Йой, а я де буду?» (Библиотекарь. Ру. Душа), ср.: рус. *испускать (испустить) дух, дух вон «умереть»*¹⁰; укр. *душа покидає тіло, душа прощається з тілом, душа вилетіла, душа відлетіла на небо, віддати богові душу*; пол. *dusza wychodzi z ciała, oddać ducha* (лас. *animam exp i rare*), *aniołowie czyjąś duszę zabrali, duch unosi się ku górze, dusza opuściła ziemskie swoje mieszkanie, dusza uchodzi z tej ziemi*.

Многие фразеологизмы-эвфемизмы заменяют понятие проституции – запретной в обществе темы, относящейся к недостаткам, позорящим свойствам, и потому нежелательной для обсуждения. В современном мире, в зависимости от культуры определенной страны, это явление узаконено либо считается правонарушением. Мы говорим об эвфемизации этого явления в связи

¹⁰ Выражение связано с представлением о сотворении Богом человека путем «вдуновения» в него дыхания жизни. При кончине дыхание якобы тем же путем исходит из него (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 174).

с тем, что слово *проституция* и словосочетание *продажная женщина* являются табуированными у славян: рус. *уличная женщина, жертва публичного темперамента, девушка по вызову, девушка сэконд-хэнд, жрица Венеры (любви), ночная бабочка, дама из Амстердама, погибшее, но милое создание*; укр. *дівка за викликом, жінка легкої поведінки, нічний метелик*; болг. *жена с лесна добродетел*; пол. *babka niecierężkich obyczajów, kobieta (pani) lekkich obyczajów, nosna czarownica, niezupełnie listonoszka, pani podejrzanej reputacji, rozrywkowa dama, szczodra pani, wesola kobieta, córka Koryntu, strażniczka lasu*; слов. *žena so zlou povest'ou, sociálna pracovníčka, ľahká žena, žena ľahkých mravov, predajná žena, dievča na telefóne, žena pracujúca v noci, dievča so zlou reputáciou, žena vykonávajúca najstaršie remeslo*. Как видим, в большинстве данных фразеологических эвфемизмов присутствует компонент *женщина, девушка, дама*; в русском и украинском языках функционируют фразеологизмы христианской эсхатологии: рус. *вавилонская блудница книжн.* «крайне развращённая, распутная женщина», укр. *вавилонська блудниця*.

Некоторые фразеологизмы-эвфемизмы свидетельствуют о шутливо-ироническом отношении к данному явлению, например: рус. *дама полусвета книжн. ирон.* Женщина легкого поведения, проститутка¹¹; *дама с камелиями эвфем. ирон.* Женщина легкого поведения (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 144); *негде пробы ставить неодобр.* О развратной женщине (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 474)¹².

Выводы

Представленный фразеологический материал отражает окружающую действительность в причинно-следственных связях сквозь призму сознания человека.

В проанализированных языковых единствах объединены, с одной стороны, особенности фразеологических единиц (раздельноформленность, идиоматичность, образность, коннотация), а с другой стороны – эвфемизмов (вторичные номинации, предназначенные для замены табуированных в обществе неприятных, неприличных слов или словосочетаний, маскирующие, затемняющие предмет сообщения).

Тематические группы эвфемистических фразеологизмов (рождение, внешний вид, возраст человека, болезни, физиологические проявления, пороки, смерть) в славянских языках представлены как универсальными, совпадающими по структурно-семантическим параметрам и выполняемой функции идиомами, так и отличающимися по семантике, структуре, стилистическим регистрам идиоэтническими устойчивыми оборотами. Фразеологизмы-эвфемизмы славянских языков имеют антропоцентрический характер, так как отображают влияние личности на процесс формирования устойчивых словосочетаний и фиксируют фрагменты национальной картины мира.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- АСРФ (2015)** Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЛЕКСПУС. 1168 с. (ASRF. Akademicheskij slovar' russkoy frazeologii / Pod red. A.N. Baranova i D.O. Dobrovol'skogo. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: LEKSRUS. 1168 s.).
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2008)** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак. 656 с. (*Baranov A.N., Dobrovol'skiy D.O. Aspekty teorii frazeologii. M.: Znak. 656 s.*).
- Бачевич, Ф. С. (2004)** Основи комунікативної лінгвістики. Київ: Академія. 344 с. (*Bacevych F.S. Osnovy komunikatyvnoi' lingvistyky. Kyi'v: Akademiya. 344 s.*).

¹¹ Слово *полусвет*, или *демимонд* (от фр. *demi-monde*) вошло в русский язык по названию комедии А. Дюма-сына «*Demi-monde*» (1855). Это название удержалось для обозначения мира продажной любви. Автором выражения был, однако, не А. Дюма-сын, а американец Дж. Блатин, дневник которого был опубликован в 1914 г. в Нью-Йорке (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 144).

¹² Собственно русское выражение, основанное на сравнении с золотой вещью, переходящей от одного хозяина к другому. Каждый новый хозяин требовал проверить изделие у ювелира и поставить пробу. Когда изделие побывало во многих руках, на нем уже не оставалось места для пробы (Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 474).

- Библиотекарь, Ру (2006–2021)** Славянская мифология. Болезнь, заговоры от болезней. <<http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/33.htm>> (*Bibliotekar'.Ru. Slavjanskaja mifologija. Bolezni, zagovory ot boleznej.* <<http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/33.htm>>)(7.02.2022) Душа. <<http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/109.htm>> (*Bibliotekar'.Ru. Dusha* <<http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/109.htm>>)(7.02.2022)
- Бирх, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (1998)** Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург.: Фолио-Пресс. 704 с. (*Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocchnik. Sankt-Peterburg.: Folio-Press. 704 s.*).
- Кацев, А. М. (1988)** Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. Ленинград: ЛГПИ. 80 с. (*Kacev A. M. Jazykovoje tabu i jevfemija: učeбноe posobie k speckursu. Leningrad: LGPI. 80 s.*).
- Китанова, М. (2019)** Аксиологические аспекты некоторых моделей эвфемизации в болгарском языке и традиционной болгарской культуре. – В: Взгляд на славянскую аксиологию. / Отв. Ред. И. А. Седакова, ред. М. Китанова, П. Женюх. Москва: Институт славяноведения РАН. С. 159–168. (*Kitanova M. Aksiologičeskie aspekty nekotoryh modelej jevfemizacii v bolgarskom jazyke i tradicionnoj bolgarskoj kul'ture. – V: Vzgljad na slavjanskuju aksiologiju. / Otv. Red. I. A. Sedakova, red. M. Kitanova, P. Zhenjuh. Moskva: Institut slavjanovedenija RAN. S. 159–168.*).
- Коваль, В. И. (2003)** Белорусская народно-песенная фразеология любовно-эротического содержания. // *Frazeologičké študie* III. Jozef Mlacek – Peter Ďurčo editori. K 13 Kongresu slavistov v Lyublane. Bratislava, s. 105–115. (*Koval' V. I. Belorusskaja narodno-pesennaja frazeologija ljubovno-erotičeskogo sodержanija. // Frazeologičké študie* III. Jozef Mlacek – Peter Ďurčo editori. K 13 Kongresu slavistov v Lyublane. Bratislava, s. 105–115).
- Коваль, В. И. (2016)** Мифологические верования восточных славян: Пособие по курсу «Славянская мифология». Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 270 с. (*Koval' V. I. Mifologičeskie verovanija vostočnyh slavjan: Posobie po kursu «Slavjanskaja mifologija». Gomel': GGU im. F. Skoriny. 270 s.*).
- Ковшова, М. Л. (2019)** Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации. // *Вестник Московского государственного областного университета*, сер. «Русская филология». № 4, с. 35–48. (*Kovshova M. L. Jevfemizmy i frazeologizmy: ustojchivye struktury v aspekte jevfemizacii. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, ser. «Russkaja filologija». № 4, s. 35–48).
- Крысин, Л. (1994)** Эвфемизмы в современной русской речи. // *Русистика. Берлин*. № 1–2. С. 28–49. (*Krysin L. Jevfemizmy v sovremennoj russkoj reči. // Rusistika. Berlin*. № 1–2. С. 28–49).
- Ларин, Б. А. (1961)** Об эвфемизмах. – В: Учёные записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 6, № 301. С. 110–124. (*Larin B. A. Ob evfemizmax. – V: Učyonie zapiski LGU. Serija filologičeskikh nauk. Vip. 6, № 301. S. 110–124.*).
- Лесюк, М. П. (2010)** Еротизм в українському пісенному фольклорі: наукове видання Івано-Франківськ: Місто НВ. 244 с. (*Lesjuk M. P. Erotyzm v ukrai'ns'komu pisennomu fol'klori: naukove vydannja Ivano-Frankiv'sk: Misto NV. 244 s.*).
- Ляцкий, Е. (1892)** Болезнь и смерть по представлениям белорусов // *Этнографическое обозрение*. Кн. 13–14. № 2–3. С. 23–41. (*Ljackij E. Bolezni i smert' po predstavlenijam belorusov. // Jtnografičeskoe obozrenie*. Кн. 13–14. № 2–3. С. 23–41).
- Миронина, А. Ю. (2010)** Эвфемизм как явление языка и культуры (лингвистический и лингвокультурологический анализ). // *Вестник Вятского Государственного Гуманитарного Университета*. Киров: Изд-во Вятского гос. ун-та. № 2. С. 86–89. (*Mironina A. Ju. Jevfemizm kak javlenie jazyka i kul'tury (lingvističeskij i lingvokul'turologičeskij analiz). // Vestnik Vjatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*. Kirov: Izd-vo Vjatskogo gos. un-ta. № 2. S. 86–89).
- Москвин, В. П. (2001)** Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. // *Вопросы языкознания*, № 3. С. 58–70. (*Moskvin V. P. Evfemizmi: sistemnie svyazi, funktsii i sposobi obrazovanija. // Voprosy jazykoznanija*, № 3. С. 58–70).
- Никитина, И. Н. (2009)** Функции эвфемизмов в художественной речи. // *Русская словесность*. № 5. С. 77–79. (*Nikitina I. N. Funkcii jevfemizmov v hudozhestvennoj reči. // Russkaja slovesnost'*. № 5. С. 77–79).

- Орлова, О. С. (2020)** Темы рождения и смерти в русских и английских фразеологизмах: метафора пути. // *Вопросы психолингвистики*. 1 (43). С. 64–74. (*Orlova O. S. Temy rozhdenija i smerti v russkih i anglijskih frazeologizmah: metafora puti. // Voprosy pisholingvistiki*. 1 (43). S. 64–74).
- Пастухова, О. А. (2017)** Об эвфемизмах и табу. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, № 11 (77): в 3-х ч., ч. 1. С. 141–144. (*Pastuhova O. A. Ob jevfemizmah i tabu. – V: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, № 11(77): v 3-h ch., ch. 1. S. 141–144*).
- Плотникова, А. А. (2003)** Славянские культурные диалекты в этнолингвистическом словаре «Славянские древности». – В: Славянский альманах. М. : Индрик, 2003. С. 291–298. (*Plotnikova A.A. Slavic cultural dialects in ethnolinguistic dictionary «Slavic antiquities».* – V: Slavic almanac. M. : Indrik, pp. 291–298.).
- Поваляева, М. А., Рутер, О. А. (2004)** Невербальные средства общения. Москва: Ростов н /Д: Феникс. 352 с. (*Povaljaeva M. A., Ruter O. A. Neverbal'nye sredstva obshhenija. Moskva: Rostov n /D: Feniks. 352 s.*).
- Попов, Б. (2001)** Табуистични названия в български език (в етнолингвистичен аспект и в съпоставка с други езици). Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователната степен «доктор». Благоевград. (*Popov B. Tabuistichni nazvanija v blgarski ezik (v etnolingvistichen aspekt i v s postavka s drugi ezici). Avtoreferat na disertacija za priszhdane na nauchnata i obrazovatelnata stepen «doktor». Blagoevgrad.*).
- Саммани, М. Х. (2014)** Семантические особенности эвфемизмов в современном русском языке. // *Молодой ученый*, 6(65). С. 643–650. (*Sammani M. H. Semanticheskie osobennosti jevfemizmov v sovremennom russkom jazyke. – V: Molodoj uchenyj, 6(65). S. 643–650*).
- Сеничкина, Е. П. (2008)** Словарь эвфемизмов русского языка. Москва: Флинта: Наука. 459 с. (*Senichkina E. P. Slovar' jevfemizmov russkogo jazyka. Moskva: Flinta: Nauka. 459 s.*).
- Сеничкина, Е. П. (2012)** Эвфемизмы русского языка. Спецкурс. Москва: Флинта. 121 с. (*Senichkina E. P. Jevfemizmy russkogo jazyka. Speckurs. Moskva: Flinta. 121 s.*).
- Ставицька, Л. (2008)** Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Київ: Критика. 454 с. (*Stavyc'ka L. Ukrai'ns'ka mova bez tabu. Slovnyk necenzurnoi' leksyky ta i'i' vidpovidnykiv. Kyi'v: Krytyka. 454 s.*).
- Сычева, Н. А. (2013)** Фразеологизмы и метафоры как средство выразительности в предвыборных рекламных текстах. – В: Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых. Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ. С. 273–277. (*Sycheva N. A. Frazeologizmy y metafory kak sredstvo vyrazitel'nosti v predvybornyh reklamnyh tekstah. – V: Aktual'nye voprose fylologicheskoy nauky XXI veka: sbornyk statej po materyalam III Vserossyjskoj nauchnoj konferencyu molodyh uchenyh. Ch. 1. Ekaterynburg: UrFU. S. 273–277*).
- Толстая, С. М. (1995)** Этнолингвистический словарь «Славянские древности». Т. I. Москва: Международные отношения, 1995. 575 с. (*Tolstaja S. M. Etnolyngvystycheskij slovar' «Slavjanskye drevnasty».* Т. I. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. 575 с.).
- Українсько-болгарський фразеологічний словник (2011)** Українсько-болгарський фразеологічний словник/ Укладач К. Потапенко-Калоянова. Київ. 374 с. (*Ukrai'ns'ko-bolgars'kyj frazeologichnyj slovny / Ukladach K. Potapenko-Kalojanova. Kyi'v. 374 s.*).
- Dańbrowska, A. (1992)** Eufemizmy mowy potocznej. – W: *Potoczność w języku i kulturze*, t. 5: Język a Kultura, red. J. Anusiewicz, F. Nieckula. Wrocław. S. 119–178.
- Dańbrowska, A. (2005)** Słownik eufemizmów polskich: czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 328 s.
- Кравчык-Турпа, А. (2001)** Табу в диалектах polskich. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej. 345 s.
- Leszczyński, Z. (1988)** Szkice o tabu językowym, Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL. 71 s.
- Slovník súčasného slovenského jazyka (2006)** Slovník súčasného slovenského jazyka/ Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. T. 1: A–G. Bratislava. 1134 s.

- Slovník súčasného slovenského jazyka (2011)** Slovník súčasného slovenského jazyka / Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. T. 2: H–L. Bratislava. 1087 s.
- Slovník súčasného slovenského jazyka (2015)** Slovník súčasného slovenského jazyka Red. A. Jarošová. T. 3: M–N. Bratislava. 1110 s.
- Stępnik-Szeptyńska, J. (2015)** Tabu językowe w ludowych pieśniach ukraińskich. – W: Studia Ruthenica Cracoviensia 9, Kraków. 231 s.
- Szwecow-Szewczyk, M. (1974)** Tabu i eufemizmy językowe dawniej i dziś.// Poradnik Językowy. Z. 6. S. 285–293.
- Szymczak-Rozlach, M. (2014)** Eufemizmy we współczesnym języku słowackim. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 228 s.
- Widlak, S. (1963)** Tabu i eufemizm w językach nowożytnych // Biuletyn PTJ. XXII, Warszawa. Z. 22, S. 89–102.